

2019-03-24

МАРТ

Наверное, статистики могли бы зафиксировать в марте «самое частое выглядывание в окошко по утрам жителей средней полосы России». И хотя исход борьбы зимы с весной предопределен, все увлеченно за ней наблюдают.

Весна плавно переходит в лето, лето в осень, осень в зиму. Плавно, добровольно. А вот зима, которая у нас наступает раньше календарной, отступает нехотя, медленно покидая захваченные ею календарные рубежи, огрызаясь метелями и ночными морозами.

Все эти капризы природы легко игнорируют оптимисты, каким был Алексей Владимирович. «А вот и весна идет», - говорил он в любой погожий зимний денек, даже в январе. Я удивлялась, умилялась и никак не могла привыкнуть к этому его какому-то лучезарному оптимизму. Которого сейчас мне так не хватает.

Сегодня, 24-го марта 2019 года ночью в Москве выпал снег. Последний? Во всяком случае, робкий, похожий на отползающую скулящую виноватую собачонку.

Март – самый весенний месяц весны.

Март – мой любимый месяц. Месяц томительных предчувствий и надежд. Робкое солнце радуется больше палящего, а таяние снега ассоциируется с корабликами, которые по обочинам дорог плывут в лучшее будущее.

Пожалуй, в марте тридцать лет назад я с сыном уже не сооружала бумажные лодочки-кораблики, ведь ему было уже 17 лет – он был уже не настолько маленьким и пока еще не настолько большим, чтобы радоваться детским забавам.

В марте 1989 года я познакомилась с Алексеем Владимировичем Яблоковым.

Я тогда работала на Центральном телевидении в программе «Сельский час». Еще будучи редактором в студии документальных фильмов творческого объединения «Экран» Гостелерадио я погрузилась в сельскую тему. Она была вполне конфликтной в то время. На одного из моих авторов – Можая Б.А. писали доносы аж в ЦК КПСС за то, что он посмел употреблять слово «хозяин» по отношению к простому крестьянину. Часто вспоминаю одну фразу из написанного им дикторского текста: «Безответственность, словно круговая порука, всех повязала».

В то время вспыхнула своим разноцветьем деревенская проза – Распутин, Белов, Можая. Солоухин – это была проза сопротивления, и интеллигенция пыталась обнаружить в ней новые смыслы нового надвигающегося времени.

Понятно, что я совсем ничего не понимала в сельском хозяйстве. Но ведь село - это не только хозяйство. Люди, живущие на земле, были интереснее и естественнее перед камерой, чем те, кто стоял за станком или сидел в различных конторках – от НИИ до министерских. Конечно, в передачах «С.ч.» было много всякого чисто производственного, но было и свободное дыхание свободной «человеческой» или, говоря профессиональным языком, жанровой журналистики.

В тогдашнем «Сельском часе» собрались лучшие режиссеры и журналисты ЦТ. Достаточно назвать Юрия Дмитриевича Черниченко. С нами сотрудничал, например, А. Стреляный. Бытовала байка, что любимой передачей Аллы Пугачевой был «Сельский час».

Не помню, как и почему один из писателей-деревенщиков Иван Емельянович Филоненко предложил мне сделать передачу об опасности чрезмерной химизации с/х. Надо

понимать, что телевидение, а тем более Редакция пропаганды, к которому относился и «С.ч.», по умолчанию считались подразделением ЦК КПСС. А в ЦК КПСС, не смотря на все свежие ветры 1988 года, еще не готовы были к критике своего курса на химизацию, провозглашенную еще Н.С.Хрущевым.

Мы решили сделать передачу о хозяйстве, в котором отказались от употребления пестицидов. Передача о чувашском колхозе «Ленинская искра», председателем которого был ставший позднее Почетным гражданином республики Аркадий Павлович Айдак, оказалась для меня судьбоносной. Я получила на нее несколько мешков писем, полных боли и слез

Потом были еще передачи – нитраты, пестициды - передо мной открылась бездна преступлений, когда здоровье и жизни людей бросались под ноги показателям урожайности. Экологических преступлений.

Вскоре вокруг меня образовался круг экологов, которым необходимо было, чтобы их слышали – Г. Лисицын, М. Лемешев, Ф. Шипунов, С. Шатохин, А. Тюрюканов (Тюрюканыч в «Зубре» Д. Гранина). Когда я созрела для собственной экологической передачи, мне понадобился квалифицированный и авторитетный консультант.

В марте 1989 г. Иван Емельянович пригласил меня в Дом литераторов на лекцию, которая называлась «Экология и нравственность». Лектор – А.В. Яблоков.

Я хорошо помню свои ощущения. Я смотрела на высокого стройного совершенно седого человека, я внимала его словам, ведь они были так созвучны моим мыслям. Да-да, именно нравственность, именно этот аспект важен. И я почему-то подумала, что вот рядом с этим человеком я могла бы просто всю оставшуюся жизнь вязать чулок и быть счастливой. Это был мой любимый месяц март. И я была счастлива уже потому, что встретила такого человека.

После лекции Иван Емельянович представил меня Алексею Владимировичу.

Моя подруга Наталья Вишневецкая еще некоторое время «приставала» с расспросами: «Ты выглядишь так, как-будто влюблена». «Это просто март», - уклончиво отвечала я.

Уже через несколько дней я отправилась к Яблокову, чтобы обсудить с ним план часовой передачи «Экология. Общество. Человек.» Формат – студийный.

Яблоков принял меня в своем кабинете на Ленинском, 33. Подарил свой доклад Президиуму АН СССР о пестицидах (доклад был засекречен, что понятно) и книгу «Трудный путь к воскресенью». С автографами. Что помогло мне при обсуждении программы с начальством, ведь Яблоков был тогда заместителем Председателя Комитета по экологии ВС СССР.

Март, как ему и положено, закончился 31 числа.

Я даже не подозревала тогда, что и для Алексея Владимировича наша встреча не была просто одной из огромной череды встреч с журналистами. Как, впрочем, и он ничего не заподозрил ни тогда, ни потом, принимая участие в моих программах. До середины лета.